

ПОВЕСТИ А. НОВИКОВА 1930-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Т. А. Никонова, О. А. Соловьева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается «Повесть о камарницком мужике» А. Н. Новикова (1935) на фоне одного из магистральных направлений литературного процесса 1930-х годов, смыслом которого явилось возвращение к традициям русской классики, что существенно корректировало советскую идеологическую доктрину послереволюционных десятилетий. Суть перемен заключалась в необходимости соотношения интернационалистских лозунгов с национальным опытом. Особая роль в этом процессе отводилась наследию А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, традиции, литературный процесс, советская доктрина, национальный опыт.

Abstract: the article examines the "Tale of the Kamarnitsky Peasant" by A. Novikov (1935) against the background of one of the main directions of the literary process of the 1930s, the meaning of which was a return to the traditions of Russian classics, which significantly corrected the Soviet ideological doctrine of the post-revolutionary decade. The essence of the changes was the need to correlate internationalist slogans with national experience. A special role in this process was assigned to the legacy of A. S. Pushkin.

Keywords: Pushkin, traditions, literary process, Soviet doctrine, national experience.

В 1937 году русская литература и советская общественность широко и торжественно отметили столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Подготовка к Пушкинским дням была начата постановлением Правительства (ЦИК) СССР от 16 декабря 1935 г. «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина». Пушкинский Комитет возглавил М. Горький, в него вошли ученые и писатели, деятели науки и культуры всех союзных республик, ведущие партийные работники. Состав Комитета свидетельствовал о размахе заявленного юбилея. Одна из передовиц газеты «Правда», главной газеты советской страны, утверждала, что «в подготовке к историческому празднику советской культуры примет участие вся страна».

Может показаться странным, что такие масштабные мероприятия были посвящены не дате рождения русского гения, а его смерти, однако следует иметь в виду, что в начале 1930-х годов в официальную идеологическую доктрину были внесены существенные коррективы. Задачи строительства социализма в отдельно взятой стране потребовали ориентации не только на интернационалистские идеалы, но и на национальный опыт. Так, по сравнению с 1920-ми годами стали иначе расставляться акценты в изучении отечественной истории и культуры в школах и вузах, менялись книгоиздательские планы, театральные репертуар и т.д.

Пушкинские дни прошли успешно, при большом воодушевлении участников, с привлечением самых разных слоев населения. Так был оценен Пушкинский юбилей не только в советской стране. Сходным образом отозвался о празднике историк культуры русского зарубежья Марк Раев, внимательно и критично наблюдавший культурную жизнь своей бывшей родины. Он отметил еще одно важное в связи с нашей темой обстоятельство. Пушкинские дни перекликались с реформой образования начала 1930-х годов, значение содержательной стороны которой было трудно переоценить: «Успехи советского образования показали, что <...> великая литературная традиция могла способствовать консолидации всего общества» [10, 214].

Разумеется, корректировку идеологической советской доктрины начала 1930-х годов нельзя было считать отказом от революционных постулатов. Реальная жизнь страны потребовала их соотношения с фактами русской истории, традициями русской жизни и культуры. Пушкинский праздник был одним из первых шагов на пути преодоления революционного максимализма и тех препон, которые он создавал развитию культуры и общественного сознания.

В таком контексте времени произведения А. С. Пушкина начали свое возвращение к читателю, заняв свое важное место в школьных и вузовских программах. Широко и большими тиражами издавались пушкинские тексты. Значительных успехов в эти годы достигло академическое пушкиноведение, опи-

равшееся на давние отечественные традиции. Научным событием стало издание Академией наук СССР полного собрания сочинений А. С. Пушкина (1937–1949). Работа над ним началась в 1933 году, к ней были привлечены ведущие исследователи. До сего дня это издание сохраняет свою текстологическую и научную ценность.

Пушкинский юбилей 1937 года и обозначившиеся в его ходе задачи актуализировали в общественном сознании едва ли не самую важную мысль знаменитой Пушкинской речи Ф. М. Достоевского (1880): «Пушкин приходит как раз в самом начале *правильного самосознания нашего*, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть *пророчество и указание*» [1, 136–137. Курсив наш. — Авт.].

Особенности непростого восстановления «правильного самосознания нашего» в 1930-е годы рассмотрим на примере «Повести о камарницком мужике» А. Н. Новикова, опубликованной в 1935 году в журнале «Октябрь», в самом начале подготовки к Пушкинским дням. А. Новиков характеризует повесть как «историческую», «вольное изложение» [4, 95] событий которой основывается на материалах брянских краеведов, посвященных крестьянскому восстанию под предводительством Емельяна Чернодырова 1796–1797 годов (в повести — Емельяна Чернодыря).

Сюжет повести организуют два исторических события — смерть Екатерины II (ноябрь 1796 года) и восшествие на престол Павла I. Разумеется, оба события были важны в жизни государства. Но особое внимание всех сословий привлек «Манифест о трехдневной барщине», изданный Павлом I и приуроченный к его коронации. Манифест ограничивал использование крестьянского труда в пользу двора, государства и помещиков тремя днями в течение каждой недели, запрещал и принуждение крестьян к работе в воскресные дни.

Манифест вызвал несогласие дворянства, права которых он ограничивал. Крестьянство, напротив, расценило появление Манифеста как начало перемен к лучшему. Однако, по свидетельству историков, Манифест был плохо подготовлен, не были прописаны механизмы его реализации, чем немедленно воспользовалось несогласное дворянство. Но более важными были содержательные противоречия, отразившие нечеткую позицию императора. С одной стороны, Манифест диктовался его стремлением ограничить помещичьи злоупотребления, которым, с его точки зрения, потворствовала Екатерина II, но в то же время Павел I не допускал мысли о том, что крестьянство может быть реальной силой в государстве. Оттого и начало царствования Павла I,

несмотря на обнародованный Манифест, было отмечено многочисленными крестьянскими протестами. Если на первых порах, как свидетельствуют историки, крестьянам могло показаться, что император озаботился их положением, то «уже в 1797 году начались крестьянские волнения во внутренних губерниях» [7, 436].

Таким образом, повесть А. Н. Новикова была посвящена историческому событию, сходному с тем, которое за сто лет до него стало предметом разысканий А. С. Пушкина — о крестьянской войне под водительством Пугачева за право жить по своей воле. Сходство изображенных событий, живая память о них (Емельян Пугачев казнен в 1775 году) естественно актуализируют в сознании героев «Повести о камарницком мужике», действие которой отнесено к 1797 году, и факты истории, и народную мифологию. Так, для новиковских «степенных мужиков» из села Андросово Пугачев не самозванец и не бунтовщик: «...может, и сам Пугачев Емельян был настоящим императором, как знать-то?» [4, 107].

ПУШКИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОГО ГЕРОЯ В «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА» И «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

«Первым исследователем и популяризатором событий крестьянской войны 1773–1774 гг., возглавленной донским казаком Емельяном Пугачёвым в дальних Оренбургских степях, Пушкин стал совершенно неожиданно для своих читателей», — свидетельствует историк и пушкинист Ю. Г. Оксман [5, 323].

«Неожиданность», во-первых, состояла в том, что Пушкин, обратившись к истории Пугачева, нарушил запрет Екатерины II, которая в манифесте 1775 года предписывала предать «все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию», запретив и «впредь чинить о сих делах притязание и изыскание» [8, 85]. Вторая причина состояла в том, что господствовавшая точка зрения на Пугачева как самозванца и разбойника для дворянства не требовала доказательств, но своей жизнью жила в народной памяти. Исходя из этих немаловажных обстоятельств, разрешение на публикацию материалов о пугачевском бунте мог дать лишь император, отменив при этом действие Манифеста Екатерины II от 1775 года о запрете самой памяти о пугачевском бунте. Поэтому подготовленный текст А. С. Пушкин представил на высочайшее утверждение, минуя цензуру. «История Пугачева», восстановленная А. С. Пушкиным, предлагала неожиданный взгляд и на крестьянскую войну, и на личность главного мятежника.

Ю. Г. Оксман отметил, что «в своих высказываниях о движущих силах крестьянской войны автор «Истории Пугачева» шел еще от самых осторожных догадок, проверка которых требовала от него, с одной стороны, значительного расширения круга официальных источников, которыми он был ограничен

весною 1833 года, а с другой — личного ознакомления с условиями хозяйственного и политического быта казачества, крепостного крестьянства и кочевого населения губерний, охваченных пожаром восстания» [5, 327].

Выводы, к которым поэт пришел в результате своих изысканий, были главной «неожиданностью» для его современников. В частности, в записке, представленной императору и обобщавшей итоги его разысканий, А. С. Пушкин делает смелые выводы, острота которых проступит ярче, если помнить об адресате записки. «Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства, — утверждал Пушкин. — Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворянство склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны... Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели» [цит. по: 5, 330].

Никто из современников великого поэта не дерзнул бы предложить такие выводы императору, ничьи материалы не сумели бы убедить Николая I в необходимости предать гласности то, что полстолетия было государственной тайной. Особенность же позиции А. С. Пушкина состояла в том, что «дело о Пугачеве», как он написал в Предисловии, открывало с новой стороны историю казачества, государства в целом, выходило за рамки частной истории казака Емельяна Пугачева. В записке государю, оставшейся неизвестной современникам, поэт делал «неожиданное» заключение: нередко действия бунтовщиков были разумными настолько, что не противоречили «интересам прочих общественных классов» [5, 330].

Но и того, что было опубликовано, оказалось достаточным для резкого отношения читающей публики к «Истории Пугачева». М. Н. Погодин записал в своём дневнике: «Ругают Пушкина за Пугачёва» (январь 1835). Одни ругали главным образом за то, что не видели в «Истории...» должного осуждения самозванца, что автору «не угодно было взглянуть на своё творение с надлежащей точки зрения и покрыть его колоритом пугачёвщины и всех ужасов сего страшного периода времени» [цит. по: 6, 248]. Другие, отметив, что Пушкин «сумел быть не поэтом в истории» и сохранил научный стиль изложения, все же считали недостатком, что в «Истории...» не показано «зачинание его [Пугачева] порочных мыслей и тайные пружины, способствующие к развитию его душевного разврата» [цит. по: 6, 248].

А. С. Пушкин подошел к изображению крестьянской войны как к событию государственной важности. Главу первую «Истории Пугачева» он завершил мыслью о неотвратимости крестьянской войны: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» [9, т. 7, с. 15]. В той же стилистике завершается весь текст: «Так кончился

мятеж, начатый горстью непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов» [9, т. 7, с. 87].

В истории публикации пушкинского текста, давно описанной пушкинистами, для нас важным является не только содержательная сторона разысканий автора «История Пугачева». Она вводила в сознание современников не только новый фактический материал [см.: 6, 229–251], но и демонстрировала новую повествовательную стратегию, не знакомую современникам. Пушкинских современников не удивило изображение крестьянской войны в повести «Капитанская дочка», которую отдельные исследователи русской литературы склонны определять как роман [см. 3]. Не удивило потому, что в «Капитанской дочке» предложена единственная и бесспорная точка зрения на события, принадлежащая главному герою — дворянину Петру Андреевичу Гриневу. Это им оценены события крестьянской войны знаменитой, многократно цитированной фразой: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [9, т. 5, с. 74]. Эту формулу, считая ее прямой пушкинской оценкой Пугачевского восстания, пытались смягчить, если не извинить пушкинисты советского времени. Но сопоставление повествовательных стратегий исторического разыскания («История Пугачева») и художественного повествования от лица участника событий («Капитанская дочка») позволяет говорить о более сложной и не противоречащей времени пушкинской позиции.

«Пушкин раскрывает сложные противоречия, возникающие между политическими и этическими коллизиями в судьбах его героев. Справедливое с точки зрения законов дворянского государства оказывается бесчеловечным. Но было бы недопустимым упрощением отрицать, что этика крестьянского восстания XVIII в. раскрылась Пушкину не только в своей исторической оправданности, но и в чертах, для поэта решительно неприемлемых. <...> Гринев — не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII века с печатью своей эпохи на челе. Но в нем есть нечто, что привлекает к нему симпатии автора и читателей: он не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он слишком человечен. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью» [2, 275–276].

Ю. М. Лотман отмечает, что провинциальный дворянин Петр Андреевич Гринев главные свои поступки совершает под влиянием легко объяснимых человеческих побуждений: дарит заячий тулупчик «вожатому», спасшему их в буране, отправляется спасать любимую в занятую мятежниками Белогорскую крепость. И на фоне «бессмысленного и беспощадного» русского бунта возникает нестандартная фигура главного мятежника, которому, по его собственному признанию, «нету воли» в кругу его соратников. «Ули-

ца моя тесна», — записал А. С. Пушкин в «Истории...» слова Пугачева, сказанные им «Денису Пьянову <...> на свадьбе его младшего сына» [9, т. 7, с. 31]. Подобные свидетельства привели А. С. Пушкина к закономерному выводу об обреченности Пугачева, ибо он «не был самовластен», нередко им, безграмотным, руководили те, кто «пользовался полною доверенностью самозванца» [9, т. 7, с. 31].

Сходную картину наблюдает в «Капитанской дочке» и Петр Гринев, спасающий с помощью «разбойника» дочь капитана Миронова, не признавшего самозванца царем. Безусловно, показателем пушкинского отношения к «человечному» Пугачеву, который «платит» за заячий тулупчик, является калмыцкая сказка об орле и вороне, которую он рассказал Гриневу «с каким-то диким вдохновением» [9, т. 5, с. 65]. Рассказал тот Пугачев, которому «улица... тесна».

Как видим, «человечностью» отмечено не только поведение дворянина Гринева, но и мятежника Пугачева. Это важная особенность его облика, воспроизведенная А. С. Пушкиным в обоих текстах. Его целостная оценка крестьянской войны и личности ее «предводителя» складывается из сопоставления двух разных повествовательных стратегий — объективно-исторической, изложенной в записке императору Николаю I, и субъективированной, принадлежащей дворянину Петру Гриневу, реальному участнику событий.

«КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР» В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ НОВИКОВА

Повесть А. Новикова, как и разыскания А. С. Пушкина в «Истории Пугачева», обращена к истории крестьянских заблуждений [см.: 11]. Обратившись к малоизвестным материалам брянских краеведов, учитывая опыт А. С. Пушкина в отношении к истории, А. Новиков предложил свою версию восстания камарницких мужиков, вступив в спор со сложившейся не исторической, а культурной традицией. Главным ее основанием для писателя являются исторические факты и их восприятие народным сознанием.

Внимание А. Новикова, в 1920-е годы работавшего в газете «Брянский рабочий», сосредоточено на смысловом и эмоциональном противостоянии широко известной песни о камаринском мужике и трагической истории бунта камарницких мужиков, в память о которых в селении Комарничи на Брянщине остались от разных столетий «холмы двух общих могил».

Бунт, описанный в повести А. Новикова, был частью тех волнений, которые сопровождали восхождение на престол Павла I. До первой половины XVIII века крестьяне Камарницкой волости были *дворцовыми*, т.е. являлись собственностью императорского двора. Разумеется, государевы чиновники собирали с них установленную дань и повинности, но являлись лишь сборщиками налогов, исполнителями державной воли. Поэтому у камарницких кре-

стьян были основания считать себя государевыми, а не помещичьими крестьянами. Полное их закрепощение, такое же, как и в центральных областях России, состоялось во второй половине XVIII века повелением Екатерины II, незадолго до событий, изображенных повестью.

Сюжет повести развивается по двум взаимосоключающим руслам. События в Петербурге и Орле связаны с традиционной для дворцового окружения борьбой за власть и влияние на императора. Павел I, графиня Апраксина, канцлер Безбородко, наместник Квашнин-Самарин и прочие представители правящего сословия показаны А. Новиковым сатирически, в соответствии со сложившимися в отечественной историографии представлениями о Павле I как человеке, надломленном пренебрежением матери, ее двора, а поэтому мелочным и подозрительным. Не доверяя дворянству, главной государственной опоре Екатерины, Павел I повелел привести к присяге «простых и невежественных мужиков». Так он хотел реализовать свое затаенное желание ослабить силу и власть дворянства. Эта мысль «осенила его переменный разум», он высказал ее канцлеру Безбородко как свое затаенное желание: «Князь! — произнес он. — Подниму я на бунт мужиков, поелику погибнуть дворянам от бунта, поелику от излишеств» [4, 118]. Однако опытный царедворец, отлично понимая, «что интересы самого императора не совпадали с интересами этого сословия», легко гасит «далекую мысль» Павла одним словом — «якобинство».

Так еще не начавшееся «душевное ликование» мужиков по поводу приведения их к присяге получило нужное для двора определение. И канцлер советует орловскому наместнику Квашнину-Самарину с особой осторожностью отнестись к Камарницкой волости, не случайно «упраздненной усопшей императрицей. ... У нас в России, пожалуй, нет места, где не было бунта, но бунт камарницких поселян в российской истории весьма приметный» [4, 98].

Начавшийся во дворце сюжет продолжается в селе Андросово. Орловский наместник по совету канцлера отправляет своего посланца для приведения мужиков к присяге в село, «окруженное знаменитыми брынскими лесами» [12], уверенный, что удастся избежать крестьянских волнений, «якобинства», по слову канцлера.

Однако в селе Андросово еще до прибытия орловского посланника складывается свой, никем не ожидаемый сюжет. Накануне Юрьева дня умер Яков Дудоров. Его семья, односельчане готовятся к отпеванию уважаемого человека. Оно приходится на Юрьев день, день почитания святого Георгия Победоносца и день возможности «крестьянского выхода» от одного помещика к другому. В повести А. Новикова Юрьев день становится временем пересечения «дворянского» и «крестьянского» сюжетов, завязкой основного действия.

Для подхорунжего Середы, который должен привести мужиков к присяге, Юрьев день — завершение порученного ему дела. Для мужиков, собравшихся в андросовской церкви на отпевание односельчанина, внезапное пробуждение Якова Дудорова — «евангельское откровение». Как событие особого порядка воспринимают его мужики, особенно после слов Якова Дудорова, который поделился с ними «своими соображениями о том, что одновременно со смертью Екатерины навсегда погребено и крепостное право. Мнение Якова Дудорова как будто подтверждалось — иначе зачем бы новому императору приводить к присяге мужиков» [4, 104].

Андроповские «степенные мужики» верят в свое право на равенство с другими сословиями в государстве и свои надежды возлагают на царя-освободителя. В этой вере они выступают носителями архетипического народного сознания. А оно в большей степени откорректировано христианскими представлениями о мире. Приведение к присяге в день памяти Георгия Победоносца, занятие Брасовского имения в Рождество, пробуждение Якова Дудорова воспринимаются ими как доказательство права крестьян «переложить господское добро на мужицкие снасти» [4, 105].

Однако то, о чем рассказывает А. Новиков, трудно назвать «бунтом» в понимании канцлера или графини Апраксиной, несмотря на неоднократно возникающее имя Емельяна Пугачева в обеих частях сюжета. Новиковские «степенные мужики» уверены, что Павел, приведя их к присяге, возвращает их в прежнее, докрепостное, состояние. С особым энтузиазмом восприняв это обстоятельство, андросовцы решили, что император мужицкую руку держит и «в самом непродолжительном времени заменит всех прежних вельмож степенными мужиками» [4, 107]. Такие рассуждения новиковских героев воспринимаются как курьез, как авторская ирония в исторической перспективе, однако вызывают и более сложные ассоциации.

Бунт камарницких мужиков, так испугавший Павла I, заключался в том, что в своем селе они установили самоуправление, а помещику Андросову, чьими крепостными они числились, написали письмо, «просили его не приезжать в имение от греха и не тревожить установившихся без него сельских распорядков» [4, 115].

Жизнь в своей деревне мужики устроили по своему разумению. «Они не расхитили бывшего господского двора, а скот ублаговворяли пойлом и кормами поочередно. Вместе с мужицкой волей, следовательно, жировали господские кони и коровы» [4, 120].

Посмотреть на андросовскую «вольную-вольность» приехали «из Иванцева — Емельян Чернодырь, из Родогощ — Федор Савенков», которые заверили, что «святками они станут поднимать на бунт и своих мужиков» [4, 20].

В картине наступившего мужицкого самоуправления А. Новиков явственно реализует современную ему модель коллективной жизни села, носящую откровенно иллюстративный характер. Более реалистичен и убедителен он в изображении противостояния крестьян помещику Андросову, который был уверен, что одного его присутствия достаточно для приведения мужиков в прежнее послушание. С бариним Андросовым «степенные мужики» обошлись так, как пушкинский Дубровский с приказными, приехавшими лишить его родового имения.

Однако не о сюжетном или ситуативном следовании опыту А. С. Пушкина мы говорим, рассматривая «Повесть о камарницком мужике». В задаче, которую поставил перед собой А. Новиков, была своя «неожиданность», подобная той, какую пушкинисты увидели в обращении поэта к фигуре Пугачева.

Советский писатель А. Новиков, начавший свой путь как журналист революционных лет, вступил в спор со сложившимся мифом о русском мужике, ярко обозначенным в культурной памяти народа знаменитой «Камаринской». Он пересмотрел версию рождения плясовой, которая, по его мнению, имела целью опорочить восставших мужиков. У истоков «Камаринской», по свидетельству повести, стояла графиня Апраксина, в ужасе бежавшая из имения и обратившаяся за помощью к наместнику. Возвратившись в Комарничи «на девятый день после подавления бунта», она заказала своим холопам «песенку о камарницком мужике». В заказанной ею песне мужик должен был быть пьяницей и гулякой. В том и состоял замысел графини, сходный по цели с повелением Екатерины II предать «вечному забвению и глубокому молчанию» Пугачевский бунт. Герой заказанной графиней песни был несколько не похож на восставших, не вызывал никакого сочувствия. Внесенное в название разночтение (*камарницкий / камаринский*) обеспечило в дальнейшем ослабление событийных связей плясовой с трагическими последствиями восстания камарницких мужиков. Это понимала не только графиня. Один из исполнителей ее воли сознавал, что плясовой «шуточный мотив принижает величие бунта», хоть и «весьма сочувствовал бунту камарницких мужиков» [4, 139].

Но «Камаринская» в предложенном варианте стала частью народной культуры. Более поздние исследователи фольклора отмечают ее протестный смысл, который непосредственно в тексте не отображен, напев возводят к скоморошине. Оценка А. Никонова резко не совпадает с устоявшимися оценками, обнаруживая основной замысел повести: «Текст песни о камарницком мужике весьма похабен, темп ее мотива поспешен, но под песню впоследствии плясало все российское простонародье. Француз Анри Бастид [служил у графини Апраксиной. — *Авт.*], уезжая к себе на родину после смерти графини, заме-

тил: «Русским свойственно плясать на собственных костях: они дикари!» [4, 139].

Оскорбительный смысл такого наблюдения для А. Новикова подтвердил факт вхождения «Камаринской» в «большую» национальную культуру. «Мотив песни окончательно оформил Глинка в своей оркестровой фантазии в тысяча восемьсот сорок восьмом году, то есть более, чем пятьдесят лет спустя» [4, 139].

Вернемся к мысли Ф. М. Достоевского о том, что пушкинское присутствие способствует «освещению темной дороги нашей новым направляющим светом». Для советского писателя А. Новикова пушкинский опыт был актуален не только в осмыслении взаимоотношений власти и народа — этот вывод естествен для писателя XX века. А. Новиков предложил неожиданные и нелегкие размышления на тему «*правильного самосознания нашего*» (Ф. Достоевский), поставил под сомнение безусловность привычных оценок, ошибочность которых вольно или невольно сохранялась в народной памяти господствующим типом культуры. Пушкинские разыскания были самой заметной и результативной попыткой увидеть давние события с разных точек зрения. «Повесть о камарницком мужике», ее главная тема, с нашей точки зрения, соотносима с опытом А. С. Пушкина, восстановившего «человечность» Пугачева-мятежника вопреки устоявшейся традиции. В этой повести писатель эпохи революции А. Н. Новиков вернулся к традиции русской литературы, суть которой в преодолении раскола гражданской войны. Повесть завершают «холмы двух общих могил». Лаконичная надпись сообщает: «Под крестом — белые, под звездой — красные». Авторское заключение объединяет героев разных столетий: «Красная звезда свидетельствует, что победа над помещиками пришла только сто двадцать лет спустя. А ведь могила красноармейцев отделяется от могилы камарницких мужиков всего десятком километров» [4, 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. ПСС. В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 26. — Л.: Наука, 1984 — С. 136–137.

*Воронежский государственный университет
Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: tam-nikonova@yandex.ru*

*Соловьева О. А., преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: nevestuyk@mail.ru*

2. Лотман Ю. М. Идейное содержание «Капитанской дочки» / Ю. М. Лотман // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Ленинград: Наука (Литературные памятники), 1984. — С. 233–289.

3. См.: Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. — С. 186–191; Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка — Ленинград: Наука (Литературные памятники), 1984. — С. 145–199; Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Там же. — С. 200–232.

4. Новиков А. Н. Повесть о камарницком мужике / А. Н. Новиков // Октябрь. — 1935– № 8–С. 93–139.

5. Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» / Ю. Г. Оксман // А. С. Пушкин. Собр. соч. В 10 т. — Т. 5, 7. — М.: Художественная литература, 1976–1978.

6. Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачёва» / Н. Н. Петрунина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Лeningrad: Наука, 1969. — Т. 6. — С. 229–251.

7. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. — М.: АСТ; Астрель, 2006. — 493 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX. N14275. СПб: в Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.

9. Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. / А. С. Пушкин // Т. 5, 7. — М.: Художественная литература, 1975, 1976.

10. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.

11. Об исторической основе сюжета повести и ее названии см.: Соловьева О. А. «Повесть о камарницком мужике» А. Новикова: историческое событие и его интерпретация // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2024. — № 1. — С. 65–68.

12. Реальная местность, располагавшаяся по берегам реки Брыни в Брянской и Калужской губерниях. В старину в непроходимых дебрях, богатых дичью, промышляли охотники и разбойники. Народное предание заселило его чащи лешими, оборотнями и кикиморами. В Брынском лесу обитал Соловей-разбойник, покоренный Илей Муромцем.

*Voronezh State University
Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the
Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Theory
of Literature and Humanities.
E-mail: tam-nikonova@yandex.ru*

*Soloveva O. A., Lecturer of the Department of Russian
Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and
Humanities of the Faculty of Philology
E-mail: nevestuyk@mail.ru*